Записки Ленинградского ордена Ленина и ордена Трудового Красного Знамени горного института им. Г. В. Плеханова, т. LIII, вып. 3, 1972 г.

Н. А. Штейнберг

ВИДОВОЙ ХАРАКТЕР АНГЛИЙСКОГО ГЛАГОЛА В СИНХРОНИИ И ДИАХРОНИИ

Видовой характер глагола — явление, впервые отмеченное в англистике Е. Крейзинга [1] и развитое затем Г. Н. Воронцовой [2], И. П. Ивановой [3] и другими, — по самой своей сути релевантно для категории вида в любой период существования английского языка. Однако весомость и содержание его роли в языке меняются в зависимости от таких факторов, как хронологический «срез» языка и способ взаимодействия между данным явлением и глагольными структурами в пределах каждого «среза».

Видовой характер глагола находится на границе между грамматикой и лексикой. Он относится к группе зависимых грамматических значений, таких, как категория переходности / непереходности глагола или категория степени качества прилагательного. Особенность этих значений заключается в том, что они лишены формальных признаков (морфемных показателей), и единственной формой их реализации является взаимодействие с близкой грамматической категорией, отражающееся в той или иной модификации значения.

Из-за отсутствия формальных показателей некоторые лингвисты считают видовой характер не грамматическим, а лексическим или лексико-синтаксическим явлением [4]. Однако все они единодушно рассматривают его лишь в связи с проблемой вида, что весьма симптоматично, ибо лишний раз подтверждается тот факт, что видовой характер, «неуловимый» из-за отсутствия морфемных показателей, реализуется лишь в связи с видовой характеристикой действия. Это свидетельствует о его родственной, «однополевой», несомненно грамматической природе.

Формальные критерии, важность которых вряд ли возможно отрицать, не представляются тем не менее единственно важными, ибо, по меткому замечанию Л. В. Щербы, «ясны лишь крайние случаи. Промежуточные же... оказываются колеблющимися, неопределенными. Одна-

[1] E. Kruisinga. A Handbook of Present-Day English, vol. I. Groningen, 1931.

[2] Г. Н. Воронцова. О лексическом характере глагола в английском языке. «Иностранный язык в школе», 1948, № 1.

[3] И. П. Иванова. К вопросу о типах грамматического значения. Вестник ЛГУ, 1956, № 2; см. также: И. Польдауф. Место грамматики и лексикологии в изучении вопросов глагольного вида. В сб.: Вопросы глагольного вида. М., 1962.

[4] См., например: Т. Я. Гольденберг. Влияние семантики глагола и его лексического окружения на значение временных форм глагола: В сб.: Проблемы синхронного изучения грамматического строя языка. М., 1965; Г. М. Рябова. К вопросу о предельности-непредельности в современном немецком языке. Уч. зап. ЛГУ, 1958, № 262.

ко это-то неясное и колеблющееся и должно больше всего привлекать внимание лингвистов...»[5]

Невозможно отрицать роль лексического значения глагола при определении видового характера последнего, но при этом несомненно, что, как и другие грамматические значения, видовой характер прямо не называется в слове, ибо он передает не содержание действия, а лишь форму его существования. По видовому характеру глаголы распадаются на две группы: предельные и непредельные в зависимости от того, заключено ли в их семантике понятие внутреннего предела действия, по достижении которого действие как бы исчерпывает себя. Это противопоставление двух значений, бинарная оппозиция, — еще один признак его грамматической природы. Как известно, по семантическому признаку или даже по принципу способа действия[6] подобное подразделение невозможно, ибо тогда возникает бесчисленное множество групп (соответственно: глаголы речи, движения, умственного восприятия и т. д.; или глаголы мгновенного действия, начинательности, повторности и т. д.).

Необходимо отметить, во-первых, что предельные / непредельные противопоставляются именно как группы, а не как коррелирующие пары, чем они, в частности, отличаются от русских глаголов совершенного/несовершенного вида; а во-вторых, такое противопоставление существует в плане речи, но не языка. В языке глаголы как часть речи распадаются по видовому характеру на три группы: предельные, непредельные и двойственные. Противопоставление идет по линии предельные-непредельные/двойственные. Глаголы предельного видового характера существуют как таковые равно и в языке и в речи, так как понятие предела, заключенное в их семантике, разрушено быть не может: to come, to fill, to say. Глаголы же второй группы могут выступать в речи и в качестве предельных, и в качестве непредельных. Однако существует, с нашей точки зрения, принципиальная разница и между непредельными/двойственными. Понятие предела отсутствует в семантике непредельного глагола как словарной единицы, но оно может создаваться в контексте под влиянием тех или иных его факторов (ср.: to write — to write a book). Глаголы же двойственного видового характера как словарные единицы заключают в своей семантике потенциальную возможность передавать действие, осложненное или не осложненное понятием предела. То или иное значение реализуется в контексте и подтверждается определенной лексико-синтаксической дистрибуцией глагола или речевой ситуацией, но оно не создается контекстом, а как бы проступает там под влиянием тех или иных «проявителей»: He *remembered* how, when they came up from school together... Roger had got into the «boot» and gone to sleep (J. G., In Chancery, p. 35) (to remember — предельный). Do you *remember* «the lady in grey» who used to give you music lessons? (Там же, стр. 46) (to remember — непредельный).

С проблемой двойственных глаголов связывают проблему видового характера полисемантических глаголов. Как нам кажется, здесь надо учитывать неоднородность последних. Это либо глаголы-омонимы типа to miss, либо глаголы типа to remember. Совершенно очевидно, что

---

[5] Л. В. Щерба. Некоторые выводы из моих диалектологических лужицких наблюдений. В кн.: Избранные работы по языкознанию и фонетике, т. I. Л., 1958, стр. 35—36.

[6] Л. С. Лимарь. Некоторые соображения относительно вида как категории. Научные доклады высшей школы, 1961, № 2.

в первом случае речь должна идти о видовом характере каждого отдельного глагола; второй случай был разобран выше.

Итак, видовой характер имплицитно присущ глаголам как части речи. Отметим сразу же, что этот аспект данного явления одинаков и в диахронии, и в синхронии.

Естественно начать с рассмотрения видового характера в плане синхронии. Обратимся к древнеанглийскому как первому из дошедших до нас в письменных памятниках периоду. Как известно, парадигма древнеанглийского глагола включает лишь два времени: настоящее и прошедшее, а система глагольной префиксации не возмещает отсутствия у этих форм видовой семантики[7]... Однако уже в это время некоторые члены многочисленной группы составных глагольных сказуемых начинают выделяться как своей частотностью, так и постоянным качеством передающейся видо-временной характеристики действия, а именно: сочетания «waes + причастие I» и «haed/waes + причастие II». Это происходит (оставляя сейчас в стороне весьма, впрочем, важные синтаксические и структурные признаки) на основе их тяготения к глаголам определенного видового характера (рис. 1). Конструкция «waes + причастие I» функционирует с глаголами непредельного видового характера (76%)[8], и это особенно поразительно, так как непредельные глаголы составляют меньшинство в словарном составе языка, что видно хотя бы из дистрибуции нейтральной к видовому характеру глагола парадигматической формы, где в контексте 72,4% падает на долю глаголов предельного видового характера. Избирательность конструкции «waes+причастие I» так сильна, что обусловливает преимущественно непредельное употребление глаголов двойственного видового характера (80%): ...I hy tha ymb tha geatu *feohtende waeron* oth hi thaer inne fulgon (Chr., 87) '...и они тогда у этих ворот сражались, пока они туда внутрь не ворвались'.

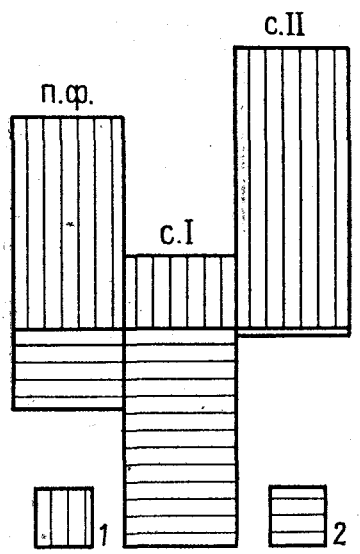

Рис. 1. Употребление парадигматической формы прошедшего времени и глагольных сочетаний с предельными и непредельными глаголами (в контексте).

1 — глаголы предельного видового характера; *2* — глаголы непредельного видового характера; п. ф. — парадигматическая форма прошедшего времени; с. I — сочетание «waes+причастие I»; с. II — сочетание «haed/waes + причастиеII».

Наоборот, «haed/waes + причастие II» в подавляющем большинстве случаев (с учетом влияния контекста) функционирует с глаголами предельного видового характера (99%). При образовании этой формы от глаголов двойственного видового характера они выступают почти исключительно в своем предельном значении (96%): ...ic oncythde ealle folce hwaet ic on Rome *gedon haefde* (Chart., 117) — '...я сообщил всему народу, что я в Риме совершил'.

Зависимость между видовым характером глагола и видовой характеристикой действия можно было бы объяснить следующим образом:

[7] Н. А. Штейнберг. К проблеме глагольной префиксации в древнеанглийском языке. В сб.: Исследования по английской филологии, вып. IV. Изд. ЛГУ, 1971.

[8] Цифры даются для определенной выборки (примерно 6000 примеров), составленной путем сплошной выписки из 10 п. л. текста.

глаголы непредельного видового характера в силу отсутствия внутреннего предела обычно передают действия, неограниченно развертывающиеся в пространстве и времени, т. е. действия-не-акты. Наоборот, наличие внутреннего предела обусловливает то, что глаголы предельного видового характера передают действия, достигающие этого предела, иначе — действия целостные, исчерпавшие свое развитие, т. е. действия-акты. Разумеется, факторы контекста могут противодействовать этой закономерности, но эти отклонения столь невелики, что ими можно пренебречь.

На рис. 2 представлена зависимость между количеством примеров с видовой характеристикой акта или не-акта и (соответственно) количеством примеров с глаголами предельного или непредельного видового характера по каждому из подвергшихся рассмотрению десяти листов древнеанглийского текста. Соотношение для каждого листа представлено двумя точками: в первой четверти — для предельных глаголов и в третьей — для непредельных.

О наличии зависимости свидетельствует незначительность угла между биссектрисой, т. е. предельной линией, соответствующей равенствам $y = x$ и $-y = -x$, и пунктирной линией — линией наибольшего отклонения (выше предельной линии в заштрихованном пространстве точек быть не может, так как это означало бы, что $y > x$). Закономерность более строго выдерживается для предельных глаголов (первая четверть). Она не столь строга, но несомненно наличествует для непредельных глаголов (третья четверть). Разброс точек здесь несколько больше, но все они находятся внутри угла, образованного линией — $-y = -x$ и биссектрисой угла между этой линией и осью x (при отсутствии зависимости населенность пространства была бы одинаковой). График позволяет наглядно оценить величины отклонений от предельных случаев $y = x$ и $-y = -x$, определяемых факторами контекста.

Действительно, конструкция «waes + причастие I», функционирующая с непредельными глаголами, в 70% случаев передает действия-не-акты: Tha *waeron* hyrdas on tham eorde *waciende* ofer heora eowede (Hom., 30) — 'Тогда на земле пастухи пасли свое стадо'. ...heora gewuna waes thaet nan (otherre) underthyded beon, ac *waeron* him swa betweonum *winnende* (Or., 59) — '...их обычай был, что одни другим не подчинялись, а воевали так между собой'.

Конструкция же «haed/waes + причастие II», функционирующая почти исключительно с предельными глаголами, в 98% случаев передает действия-акты: Tha saede him mon thaet Darius *haefde* eft fyrde *gegaderod* on Persum (Or., 64) — 'Тогда сказали ему, что Дарий снова войско собрал из персов'. ...se here gewende thâ to scypon. mid tham thingon thê hî *gefangen haefdon* (Chr., 284) — '...и это войско отправилось к кораблям с теми вещами, которые они захватили'.

Можно с уверенностью утверждать, что все определяется именно преобладанием глаголов того или иного видового характера, так как при нарушении закономерности дистрибуций передаются действия с диаметрально-противоположной видовой характеристикой. Так, при функционировании с предельным глаголом «waes + причастие I» передает действие-акт: Tha waes eft here hider sended, se *waes cumende* ungewenedre tide on herfeste... (Bede, 33) — 'Тогда был снова легион туда послан, он пришел в необычное время (сбора) урожая...' Конструкция «haed/waes + причастие II» при функционировании с непредельным глаголом передает действие-не-акт: AEfter tham the Philippus lange tha burh *beseton haefde,* tha ofthuhte him... (Or., 61) — 'После

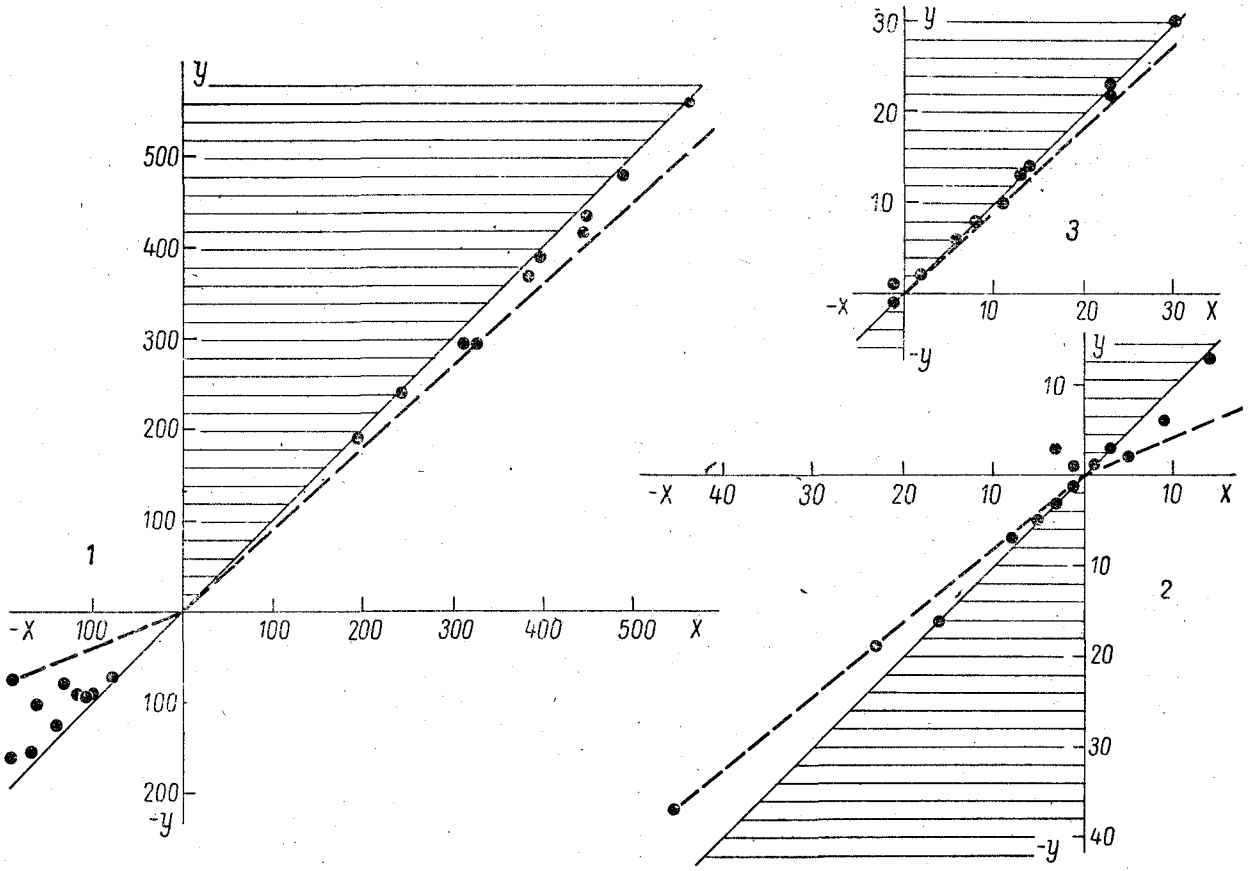

Рис. 2. Соотношение между видовой характеристикой действия, видовым характером глагола и факторами контекста.

1 — парадигматическая форма прошедшего времени; *2* — сочетание «waes + причастие I»; *3* — сочетание «haed/waes + причастие II». *x* — число глаголов предельного видового характера; *—x* — число глаголов непредельного видового характера; *y* — число действий-актов; *—y* — число действий-не-актов.

Точки соответствуют подвергшимся исследованию десяти печатным листам древнеанглийского текста.

того, как Филипп уже долго этот город осаждал, ему пришло в голову...'

Эти отклонения свидетельствуют о том, что собственной видовой семантики у этих форм еще не существует, однако регулярность передающейся видовой характеристики свидетельствует о ее становлении[9]. Видовому характеру глагола принадлежит одна из главных ролей в этом процессе. Ее можно себе представить следующим образом: на начальном этапе становления форма функционирует с глаголами определенного видового характера, что, уменьшая ее лексическую емкость, приводит одновременно к регулярности передачи той или иной видовой характеристики. По мере закрепления видовой семантики за самой формой она как бы преодолевает сопротивление лексического материала. Уменьшение лексической емкости — этап на пути становления видовременной формы.

Если мы сравним закономерности этого периода существования английского языка с современным[10], то увидим, что существенного ограничения лексической емкости форм не существует, хотя и в современном английском наблюдается преимущественное употребление предельных глаголов с перфектными разрядами, а непредельных — с длительными. При этом, как правило, глаголы двойственного видового характера выступают в значении, гармонирующем с видовой семантикой разряда.

Принципиальное отличие от древнеанглийского состоит в том, что разряды, имеющие собственную видовую семантику, т. е. перфектный, длительный и перфектно-длительный, всегда сообщают ее передающемуся действию, безотносительно к видовому характеру обозначающего его глагола. Однако было бы ошибочным полагать, что видовой характер глагола вообще несуществен для современного языка. Его роль в сущности не изменилась для основного разряда, лишенного собственной видовой семантики, где «видовой характер глагола совершенно свободно проявляется..., не будучи сдерживаем никакими формальными рамками»:[11] June *stood* in front fending off this idle curiosity (J. G., In Chancery, p. 19) (to stand — непредельный, передает действие-не-акт). He *put* the cigar case into the breast of his coat (J. G., The Man, p. 8) (to put — предельный, передает действие-акт).

Роль видового характера, естественно, не столь велика для остальных разрядов, однако и там отмечаются определенные взаимодействия между исследуемым явлением и видовой семантикой разрядов. Эти взаимодействия приводят к определенным модификациям видовых характеристик. Так, если предельные глаголы в Present Perfect передают действие-акт в силу достижения им предела, то непредельные глаголы передают действие-акт в силу того, что видовое значение разряда как бы «отсекает» отрезок процесса, сообщая ему целостность: The clergyman, sir, only the clergyman. Not that I take much account of him, but if you knew how he *has worried* me over the staircase (B. Shaw, W. H., p. 36). При этом лишь непредельные глаголы при наличии определенных факторов контекста могут передавать инклюзивные действия: Let me ask you one question before I leave. *Have* you *known* my mother long? I think two years, sir (Ch. Dick., L. D., p. 44).

---

[9] Подробнее см.: Н. А. Штейнберг. К вопросу о становлении аналитических форм глагола в древнеанглийском языке (на материале категории вида). В сб.: Проблемы лексикологии и грамматики. Минск, 1967.

[10] Эта часть статьи основана на выводах проф. И. П. Ивановой (см.: И. П. Иванова. Вид и время в современном английском языке. Изд. ЛГУ, 1961).

[11] Там же, стр. 70.

В зависимости от видового характера глагола Continuous Tenses могут передавать как действие в развитии, стремящееся к достижению предела: he was falling (to fall — предельный), так и действие, беспредельно разворачивающееся в пространстве или времени: he was walking или talking (to walk, to talk — оба непредельные) или же действие, многократно повторяющееся: he was knocking (to knock — предельный мгновенного действия).

Таким образом, в современном английском языке отмечается взаимодействие между видовым характером глагола и видовой семантикой формы. Такого взаимодействия нет и не могло быть в древнеанглийском в силу того, что видовая семантика формы в этом синхронном «срезе» отсутствовала. Роль видового характера глагола заключалась в том, что на основе его закрепленности за определенной синтаксической структурой происходило становление видовой семантики этой последней, переводящее ее (при опоре на некоторые факторы структурного характера) из сферы синтаксиса в сферу морфологии. Роль эта несомненна, хотя и в древнеанглийском языке видовой характер был так же, как и в современном, лишен формального признака (в этом плане можно указать лишь на тот факт, что префиксы типа *a-* и *ge-* отмечены почти исключительно с предельными глаголами, за исключением глаголов perfectiva simplicia).

Итак, как в плане синхронии, так и в плане диахронии отмечена несомненная отнесенность видового характера, имплицитно свойственного глаголу как части речи, к сфере грамматической категории вида. В плане синхронии наблюдается своеобразие форм его проявления и роли, в плане диахронии — эволюция его функции от фактора, обусловившего в основном становление видовой семантики глагольных структур, до фактора, от которого зависят некоторые модификации самими глагольными разрядами определяющейся видовой характеристики действия. При этом отмечается отсутствие принципиального различия функции данного явления для древнеанглийской парадигматической формы прошедшего времени и современного Past Indefinite Tense.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

Chr. — The Anglo-Saxon Chronicle, vol. I. Ed. by B. Thorpe, London, 1861.
Chart. — A Collection of English Charters. Ed. by B. Thorpe. London, 1865.
Hom. — The Homilies of AElfric, vol I. Ed. by B. Thorpe. London, 1843.
Or. — King Alfred's Anglo-Saxon Version of the Compendious History of the World by Orosius. Ed. by J. Bosworth. London, 1859.
Bede — König Alfred's Übersetzung von Beda's Kirchengeschichte. Leipzig, 1897.
J. G., In Chancery — J. Galsworthy. In Chancery. Moscow, 1949.
J. G., The Man — J. Galsworthy. The Man of Property. Moscow, 1950.
B. Shaw, W. H. — B. Shaw. Widowers'Houses. Moscow, 1950.
Ch. Dick., L. D. — Ch. Dickens. Little Dorrit. London, Chapman & Hall.